

Николай Шибанов

Иртыш, пойма

Сибирь издавна славится изобилием природных богатств, вся таблица Менделеева расположилась на её необъятных просторах. Нефть и газ, уголь и алмазы, драгоценные камни и самоцветы, медь и железо, редкоземельные металлы и серебро, золото и изумруды. Богаче земли, чем Сибирь, нет на земле места! Обширные просторы невозможно взглядом охватить, самый быстрый самолёт не может пролететь Западную и Восточную Сибирь от края и до края за день. Многие тысячи километров!

Уссурийская тайга, природный феномен, славится своей неповторимостью. Ну где вы увидите тигра или леопарда, крадущегося по снегу за добычей? Отроги Сихотэ-Алиня притягивают свой взор даже искушённого путешественника. Саянские хребты своей недосыгаемостью могут поспорить с Крышей Мира – Памиром!

Величайшая в мире жемчужина Байкал поражает воображение своим размахом и чистотой в прямом и переносном смысле! Только из Байкала можно зачерпнуть кружкой и напиться студёной, в любую жару, чистой водой, не боясь последствий! Нигде в мире не сохранилась подобная чистота!

Но главное богатство Сибири – это реки! Лена, Енисей, Ангара, Обь и Иртыш, есть ещё Тобол и Ишим. Это великие реки, нигде в мире не встретите столько рек величайших по размерам и значимости! Тайга – кладёзь богатств; пушные зверьки, медведи и лоси, олени и росомахи, маралы и изюбры, кабаны и волки, лисицы и корсаки, песцы и соболя, белки и бурундуки. Такого изобилия птиц, наверное, в мире не найдётся: гуси и утки, лебеди и журавли, совы и филины, глухари и тетерева, куропатки и прочая, прочая, прочая!..

Можно до бесконечности перечислять богатства Сибири, и всё равно что-нибудь да упустишь.

Иртыш! Общепринято считать истоком Иртыша – Китай и так называемый Чёрный Иртыш. Не будем оспаривать утверждение географов, но посудите сами, маленькая речушка, впадающая в озеро Зайсан, разве может сохранить свою обособленность в таком огромнейшем количестве воды? Иртыш, настоящий, который известен всем сибирякам, хотя бы по названию, вытекает именно из Зайсана! И несёт свои зеленоватые воды в Северный ледовитый океан, по дороге вбирая в себя маленькие речушки, и речки, и даже одну довольно солидную реку – Обь! Обь, пожалуй, чуть ли не единственная в своём роде река, не имеющая истока, а образована в месте слияния алтайских красавиц – реки Катунь и реки Бии.

Когда первопроходцы изучали Сибирь, долго не могли сойтись во мнении какая река впадает в другую! Иртыш и Обь, две великие сибирские реки в месте слияния были почти равнозначны, но Иртышу отдавали предпочтение, так как в месте слияния Иртыш выглядел более могучим, но были сторонники и у Оби. Долгие споры, приводимые аргументы не давали результата, назревал нешуточный конфликт! И тогда именитые мужи географии решили спор простым жребием. Удача оказалась на стороне реки Обь, сторонникам сего

Иртыша, воспетого поэтом Рылеевым и овеянного славными походами атамана Ермака с товарищами, пришлось уступить. Так и записали: Иртыш впадает в реку Обь...

Иртыш, от записи во впадающие реки, не потерял своего величия и значимости, впрочем, и Обь не отставала. Так две великие сибирские реки стали символом единения!

Иртыш берёт исток из горных мест озера Зайсан, практически бежит по степи, орошая засушливые сибирские и алтайские поля. Уникальность реки заложена изначально, по берегам селились люди, развивали земледелие и животноводство, растили сады и пшеницу, рожь, овёс и прочие культуры. Иртыш щедро делился живительной влагой. Центр чёрной и цветной металлургии и коксующихся углей, Караганда и Темиртау, в 70-х годах посредством канала Иртыш-Караганда решили проблему нехватки воды.

Иртыш уникален своей поймой. В районе города Павлодар, стоящего на более высоком правом берегу реки, в весеннее половодье Иртыш разливается на 11 километров. Море! Низкие берега, залитые речными водами, образуют уникальную систему нереста речных рыб. Раньше, старики рассказывали, Иртыш трижды разливался по весне! Трижды пойменные луга покрывались рекой, вода стояла по две-три недели. Рыба на огромном пространстве, в небольших озёрках или ямах, среди травы, в изобилии росшей в пойме, откладывала икру. Икринки, прогретые на мелководье, скрытые травой от прожорливых щук и окуней, созревали и превращались в крохотных мальков, собиравшихся в естественных водоёмах. Вода уходила, унося с собой хищных рыб, а мальки, схоронившись в озёрцах, благополучно подрастали. Через некоторое время приходила вторая вода, рыбы, не успевшие отметить икру в первом разливе Иртыша, благополучно совершали икрометание во второй воде. Прогретые на мелководье

икринки вылуплялись и, превратившись в мальков, прятались. Вода вновь уходила, позволяя икринкам вылупиться, а малькам достигнуть солидных размеров и превратиться в мелких рыбёшек. Хищные рыбы уходили вместе с водой в основное русло Иртыша. Мальки подрастали, не подвергаясь опасности быть съеденными хищными рыбами. И, наконец, наступала заключительная фаза разлива Иртыша – третья, она была не столь длительная, как предыдущие, всего дней 5–7, и вода спадала. Но этого хватало, чтобы все рыбы смогли исполнить свою миссию – продолжения вида – и вернуться в реку. Подросшие мальки возвращались, уже способные жить самостоятельно, и естественным образом пополняли рыбное изобилие Иртыша. Оставшиеся в озерах мальки подрастали и в свою очередь служили забавой для горе-рыбаков, ленившихся попытаться счастье на реке.

Рыбное изобилие послужило источником вдохновения поэту Павлу Васильеву. Он возмужал на берегах Иртыша и через всю короткую, но яркую жизнь пронёс любовь к Иртышу и природе Сибири. Стихотворение под названием «Иртыш» так и начинается:

*Князь птиц и рыб,
Беглец зеленоводный!*

Рыбное изобилие давало не только пищу, но и ещё одно удивительное свойство и, я бы сказал, весьма неожиданное. Барабинская степь, как известно, не изобилует лесами, а зимы здесь суровые и длительные. Первые заморозки начинаются в начале октября, а весна – в конце марта. Практически полгода в Сибири длится зима, беспощадная и малоснежная в степи, потому как постоянные ветра уносят снег, и земля промерзает на полтора-два метра. Поэтому отопление дома имеет огромное значение для жизни, а так как лесного мас-

сива нет, а уголь из Экибастуза был дорогой, то люди нашли весьма оригинальное решение. Собирают коровий навоз, бараний собрать сложно, и только в местах постоянной ночёвки это возможно. Навоз складывают в квадратные ямы и заливают водой, когда навоз раскиснет, начинают его месить, как глину. Надо потом придать ровную форму и большую плотность. Вода уходит в землю. И когда навоз высыхает, нарезают лопатой квадратные брикеты и по мере подсыхания переворачивают, тем самым давая возможность просохнуть полностью. Сухой кизяк горит лучше, и запаха никакого. Но даже кизяка не хватает, и люди приноровились в качестве поленьев использовать рыбу, преимущественно щуку. Для чего вялят её на солнце летом, а ловить сподручнее на заливных пойменных лугах, где шурагайки, так на местном диалекте называют щуку, охотятся на мальков и подростную молодь. Посреди луговой травы рыба кишит на мелководье. Шурагайка быстро вялится и достигает больших размеров, что немаловажно для полена. Тепла от тушки щуки меньше, чем от берёзового полена, но на безрыбье и рак – рыба. Когда щука горит, запах, конечно, не амбре, но тепло зимой гораздо важнее любого запаха в Сибири.

Заливные луга, в отличие от степной травы, всё лето стоят зелёными, высота такая, что всадника на коне с головой скрывало. В былые времена на пойменных лугах хозяйничали сибирские казаки, проживающие вдоль Иртыша и не позволявшие кыргыз-кайсакам кочевать ближе 10-верстовой линии вдоль левого берега Иртыша. В определённых местах всё лето паслись тучные стада коров и овец, принадлежавшие казакам Сибирского казачьего войска. **Иртышская линия прозывалось то место.**

Красота пойменных лугов обворожительна, зверя водилось всякого: корсаки и волки, кабаны и дикие свиньи, зайцы и

другое зверьё. Для охоты раздолье, ежели с умом, можно было волков на шубу настрелять за сезон, чуть не всей семье из взрослых. Но опасное дело – охота на зверя, каждая животина жить хочет и не мечтает, что из её зимнего меха шубу шить зачнут.

Зимой в пойме высокой травы не остаётся, и потому снега тоже немного, а который есть, через неделю, как выпадет, становится плотным, что не только человека, а и всадника с конём сдюжит. Озёрца окружают себя камышом и деревьями, преимущественно талом, он и морозов не боится и в воде стоит хоть бы что, даже крепче делается. И главное – веток много, и листья на лодочки похожи и свисают причудливо к воде, как вроде напитокся хотят. Заглянешь на такое озерцо зимой, снег на льду лежит ровненько, будто кто его специально укладывал и срезал лишнее, местами надует бурун, как волна застыла да и замерла в раздумье: бежать ли далее иль навек замереть. Ветки тала свисают снежной бахромой, даже дух от восторга замирает при виде Берендеева царства. Свет льётся ровный, и от того кажется нереальным чистый белый снег, и следы как книга со своими узорами: вот сорока проскакала, тут ворона прошла, важно вышагивая, словно командир перед строем солдат. Заяц устроил себе лёжку в корнях дерева, осталась аккуратная ровная ямка с подтаявшим снегом, поутру скачками удирал косою от корсака или волка, летом беркуты добавляют хлопот косоглазым, ну да, плодятся они хорошо и потому не исчезнут, впрочем, это не только от зайцев зависит.

Следы на снегу как настольная книга, только надо уметь читать, и необходима внимательность. Летом в пойме всему раздолье, трава растёт более трёх метров в высоту, нет ни одного клочка земли свободного от растительности. Скотине раздолье для выпаса, и вода поблизости, чтобы утолить жаж-

ду. Казаки, дабы оградить от посягательств пойменные луга, наряжали по очереди в наряд объездчика, которому в обязанность вменялось разъезжать по пойме и следить, чтобы не было потравы от табунов лошадей и скота, принадлежавшего племенам кочующих кыргыз-кайсаков. Наказание за потраву было жестоким, скот изымался, а пастуха и убить могли.

Река поила и кормила, если бережно относиться. Рыбы водилось несметно: чебак, налим, нельма, лещ, язь, окунь и щука. Но самые дорогие, а стало быть, самые вкусные были стерлядь, и осётр, и, конечно, царь-рыба – белуга. Иные экземпляры белуги без помощи лошадей на берег не вытащишь, специально никто не мерил, но приблизительно размер рыбы достигал несколько метров. Такая рыбина и к царскому столу не всегда подавалась. Костей у белой рыбы нет, только хрящи. А жирная уха из стерляди была деликатесом. Рыбаки подолгу пропадали на рыбалке, и варить уху не всегда сподручно, так приспособились стерлядь сырой кушать, ножом брюхо вспорют, кишочки выпотрашат, солью посыплют нежную стерляжью тушку и едят вместе с кожей. Чешуи у стерляди нет, потому её и чистить не надо. Вкуснятина!

Вода во время разлива мутная, так как при разливе река смывает илистое дно реки и выносит на просторы поймы. Течение слабеет, и ил постепенно оседает среди травы, удобряя землю поймы, что способствует буйному росту травы и деревьев. В некоторых местах, как правило, на песчаной косе поднимается чащоба из тонких прутьиков тала, звериные тропы остаются единственной возможностью пробраться сквозь заросли.

Пойменная вода, заполнив луга, постепенно отстаивается, рыба заходит на нерест и мечет икру, выбирая углубления в земле посреди травы, тем самым защищая своё потомство от хищников, желающих полакомиться икрой и мальками.

Щука и окунь также мечут икру в пойме, и вылупившиеся из икринок шурята и окушки среди зарослей начинают охоту на мальков чебака, леща, язя и всех остальных рыб. Исключением из этого правила является ёрш, во время атаки хищника ершата поварачиваются хвостом и раскрывают плавники, обрамлённые шипами. Ни один хищник не рискнёт напасть на мелюзгу, ошестинившуюся плавниками-шипами. Мальков так много, что шурятам и окушкам хватает с лихвой, крупные особи, отстав икру, уходят вместе с водой, а зазевавшиеся становятся лёгкой добычей для любого желающего изловить рыбу. Мальчишками на мелководье мы не раз проделывали такие проказы, загоняли на мелководье, желательно заросшее травой, которая не только скрывает, но и мешает удирать рыбе. Голыми руками, становясь на коленки, можно, изловчившись, схватить рыбину. Но такое случалось редко, рыба просто скрывалась в озёрцах, и поймать, за здорово живёшь, не получится. Глубина в озёрцах достигала двух метров, и лучше всего рыбачить с надувной лодки.

Когда приходила вторая вода, подросток рыба мелюзга благополучно уходила в реку, имея некоторый опыт защиты от хищников, но, тем не менее, держалась ближе берега с песчаными косами, вода прогревалась, и не всякая щука рискнёт выбраться на мелководье. Рыба, не успевшая отнереститься раньше, заходила и метала икру в пойменных лугах и благополучно возвращалась в воды Иртыша. И повторялась вечная история жизни на земле, икринки вылуплялись, мальки, плавая среди травы, находили корм и защиту одновременно. Время шло стремительно, и рыбёшки старались как можно быстрее набрать рост и вес, чтобы к моменту прихода третьей воды быть во всеоружии и продолжить рыбное изобилие великой сибирской реки Иртыш!

Наконец приходила третья и последняя вода весеннего половодья Иртыша. Мальки покидали стайками место своего рождения, чтобы в последующие годы вернуться на нерест в эти места и продолжить жизнь своего вида, исполнить главное предназначение. Если, конечно, до того времени не сожрёт щука или рыбаки не поймают на хитрую наживку, обманув доверчивую рыбу.

Из века в век происходило правило нереста, казаки, проживающие по Иртышу, во время нереста не промышляли рыбалкой, повелось от стариков, и негоже заветам дедов и прадедов изменять, небось, не глупее нас были. Идиллия закончилась с момента постройки Бухтарминской ГЭС, возвели плотину и перекрыли части осетровых пути к нерестилищу, пришли стерляди, осётры и белуги, а в озеро пройти не могут, стена не пускает, и прохода в стене нет для рыбы. Отметали икру где попало, и почти весь выводок погиб. С тех пор и пошла рыба на убыль, вместо трёх разливов, один разлив, правда, по времени длится три-четыре недели, но вода стоит высоко, и мальки лишены естественной защиты, хищники заходят на нерестилище и пожирают молодь. В результате прирост рыбы сократился, и хищные виды резко сократились, так как не было рыбного обилия, и щуки, не имея возможности прокормиться, также уменьшили своё количество. Люди решили поправить это дело и запустили судака в Иртыш, «хотели лучше, а получилось как всегда». Природа мудро устроена Создателем, и своим вмешательством человек губит природу, извлекая сиюминутную выгоду. Бухтарминская ГЭС даёт электроэнергию, что позволяет наладить производство и развить жилищное строительство, вроде бы благое дело, а рыбам что, они потерпят, другого не остаётся. Во всяком случае, пока!..